

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУПЫШЕВА

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Под редакцией доктора юридических наук, профессора
В. Д. Филимонова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск—1989

О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЛ ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

М. К. СВИРИДОВ

В последние годы в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство было внесено много изменений. Существенный характер некоторых из них требует осмысления с позиции теории.

Одно из изменений — то, которое было внесено в основания и порядок прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Появление его связано с необходимостью приведения действующего законодательства в соответствие со ст. 160 Конституции СССР. Можно соглашаться или спорить с авторами, полагающими, что ст. 160 Конституции закрепила презумпцию невиновности, но одно совершенно очевидно: данная статья запрещает признание виновным в совершении преступления следователем (ранее такая возможность существовала). Право признать виновным в совершении преступления ныне принадлежит только суду. В соответствии с этим из статей УПК РСФСР, начиная с 6¹ и кончая 10, были исключены слова «виновный» и «преступление»; в ст. 8—10 включены слова «лицо» и «деяние, содержащее признаки преступления».

Как видно, изменения в законе весьма существенны. В связи с этим следовало бы ожидать существенных изменений в теоретических концепциях, характеризующих институт прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям; должны были появиться изменения и в следственной практике.

Однако наблюдение обнаруживает необычную картину: ожидаемые изменения ни в теории, ни в практике не появились. Это видно из следующих примеров.

Еще до появления ст. 160 Конституции СССР многих ученых смущала узаконенная возможность признания лица виновным в совершении преступления несудебным органом. Но

вместо того, чтобы обосновывать необходимость изменения закона, усилия некоторых ученых были направлены по существу на его оправдание, на обоснование того, что при реализации существующего в то время закона нарушений презумпции невиновности не происходит.

Так, разрабатывалась концепция¹, согласно которой следователь признает виновным в совершении преступления, но такое признание не влечет никаких уголовно-материальных последствий; этим признание виновным следователем резко отличается от аналогичного признания судом в приговоре. Признать виновным в совершении преступления с вытекающими отсюда уголовно-правовыми последствиями может только суд. Следовательно, и при существовавшем в то время законе презумпция невиновности якобы не нарушалась.

Сущность другой концепции² выражалась в следующем: если лицо не совершило преступления, то нет оснований передавать его на поруки. Поэтому при прекращении дел по реабилитирующим основаниям следователь, несомненно, должен считать лицо преступником. Но делает это он не признанием виновным, а лишь установлением виновности. Разница между установлением виновности и признанием виновным заключается в отсутствии в первом случае и в наличии во втором уголовно-правовых последствий.

Как уже отмечалось, основой для обеих концепций послужило стремление обосновать непротиворечивость действовавшего ранее закона презумпции невиновности. Сейчас положение существенно изменилось. Неправильность старого закона доказана тем, что он изменен. Этим доказана и неправильность попыток обосновать целесообразность старого закона. Казалось бы, сейчас, в изменившейся ситуации, обе названные концепции либо совсем исчезнут, поскольку доказана неправильность их основы, либо претерпят существенные изменения.

Однако этого не произошло. Наглядным примером тому является вышедшая к 1985 г. монография В. З. Лукашевича.

¹ Мотовиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962. С. 157.

² См., например: Володина Л. М. Прекращение уголовных дел вследствие изменения обстановки и в связи с направлением для применения мер общественного воздействия в стадии предварительного расследования (ст. ст. 6—9 УПК РСФСР): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Л., 1976. С. 8.

В ней автор продолжает утверждать, что передаваемое на поруки лицо считается следователем виновным в совершении преступления (причем автор употребляет отвергнутые для данной ситуации законом термины «виновный в совершении преступления»); однако следователь лишь устанавливает виновность, не доводя до ее признания судом³. Как видно, изменений в концепции нет.

Отсутствие ожидаемых в связи с принятием поправок к закону изменений в теоретическом мышлении проявляется и в другом. В законе термин «преступление» заменен термином «деяние, содержащее признаки преступления». Думается, что позиция законодателя выражена достаточно четко: то, что после прекращения уголовного дела по старому закону должно считаться преступлением, сейчас таковым не признается. Тем не менее и в настоящее время продолжают обосновываться утверждения о том, что деяние, содержащее признаки преступления, есть не что иное, как то же самое преступление. Утверждает это, как показано выше, В. З. Лукашевич, делает это и В. Д. Филимонов⁴.

Очень наглядно отсутствие изменений в научном мышлении проявилось в изданном в 1985 г. Комментарий к УПК РСФСР. В нем комментарий ст. 7—10 поразительно совпадают с комментариями этих же статей старой редакции. Например, в Научно-практическом комментарии УПК РСФСР, изданном в 1970 г. (то есть когда действовал старый закон), применительно к ст. 7 говорилось: «...предусматривается возможность прекращения дела с передачей на рассмотрение товарищеского суда в случаях совершения впервые малозначительных преступлений». Теперь следует сравнить приведенное положение с Комментарием в УПК РСФСР 1985 г. Там сказано следующее: «Прекращение уголовного дела и передача материалов в товарищеский суд возможны в тех случаях, когда суд или прокурор либо следователь или орган дознания (с согласия прокурора) установят, что общественная опасность совершенного преступления малозначительна, а лицо, совершившее это преступление, может быть исправлено путем применения мер общественного

³ Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985. С. 97, 101, 103, 171—174.

⁴ Филимонов В. Д. Понятие деяния, содержащего признаки преступления // Советская юстиция, 1983. № 23. С. 22—24.

воздействия»⁵ (выделено мной.— М. С.). Четко видно, что новый комментарий совсем не отличается от старого, несмотря на то, что новая редакция комментируемой ст. 7 УПК РСФСР отличается от старой существенно.

Таким образом, наблюдается необычное явление, которое выражается в следующем: законодатель произвел существенное изменение закона, однако оно не вызвало соответствующих по уровню существенности изменений в теории. Естественно, что законодатель, внося изменение в закон, планировал достижение этим каких-то новых целей; но поскольку изменений в жизни не произошло, значит, поставленные законодателем цели не достигнуты. Уже этим самым данное явление вызывает интерес и стремление разобраться в его причинах.

На мой взгляд, объясняющих такое положение причин может быть две. Первая из них: внесенные в закон изменения не отражают потребности совершенствования деятельности по борьбе с преступностью, не соответствуют закономерностям развития уголовного процесса; иначе говоря, они не обладают социальной ценностью и поэтому неживучи.

Думается, что названная причина должна быть сразу отвергнута. Социальная ценность внесенных в закон изменений налицо: во-первых, они позволяют реализовать в полном объеме принцип презумпции невиновности, сущность и ценность которого в настоящее время по существу никем не оспариваются, во-вторых, изменения позволяют более точно установить соотношение расследования и судебного разбирательства, закрепить предварительный характер расследования в разрешении основного вопроса уголовного дела — о виновности в совершении преступления. И то, и другое при действии старого законодательства в полном объеме было недостижимо.

Остается, на мой взгляд, вторая причина, а именно — традиционность мышления. Думается, что внесенные изменения затрагивают глубинные пласты представлений о сущности уголовного процесса. Существующие на этом уровне глубины представления настолько сильны, что они не дают возможности правильно осмыслить изменения; в силу этого внесенные в закон изменения не заняли самостоятельного места, а оказались «встроенными» в уже существующие концепции.

⁵ Научно-практический комментарий УПК РСФСР / Под ред. Л. Н. Смирнова. М., 1970. С. 17; Комментарий к УПК РСФСР / Под ред. А. М. Рекунова и А. К. Орлова. М., 1985. С. 21.

Традиционность в оценке изменений закона в качестве основы имеет развиваемое многие годы положение о единстве уголовного процесса. Это положение многопланово. Нас сейчас интересует следующий его аспект.

Ст. 2 УПК РСФСР, определяющая задачи уголовного судопроизводства, четко выражает назначение уголовного процесса. С одной стороны, он нужен, чтобы оберегать от беспричинного вмешательства в жизнь лиц, не виновных в совершении преступления (об этом говорят слова ст. 2 — «чтобы... ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден»). С другой стороны, уголовный процесс предназначен для того, чтобы обеспечить необходимую работу с лицами, совершившими преступление (об этом говорят слова ст. 2 — «...чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию»). Таким образом, ст. 2 УПК РСФСР «знает» только две категории лиц: невиновных и виновных в совершении преступления. Но в отношении первых уголовный процесс не должен возникать; если же он возник, то его существование правомерно в связи с необходимостью обеспечить работу только с одной категорией лиц — с совершившими преступления. В этом — диктуемое законом единство назначения уголовного процесса.

И если прочно стоять на позиции изложенного представления о единстве уголовного процесса, то при оценке анализируемых изменений закона мы обязательно придем к тому, что сейчас наблюдается. Действующая логика здесь такова: уголовный процесс правомерен, когда необходимо обеспечить работу только с преступником; при передаче лица на поруки возбуждение и дальнейшее существование уголовного процесса, несомненно, правомерно; следовательно, лицо, передаваемое на поруки, нужно признавать преступником; если он — не преступник, то уголовный процесс был бы неправомерен.

Приведенные соображения, на мой взгляд, объясняют причину, в силу действия которой внесенные в закон изменения не были в полном объеме осмыслены. Одновременно становится ясно видимой ограниченность традиционного подхода. При оценке же сущности внесенных в закон анализируемых изменений, как представляется, совершенно необходимо выйти за рамки существующего строго определенного содержания единства назначения уголовного процесса, необходимо провести его (назначения) дифференциацию.

При этом здесь уместно отметить, что и сейчас, и ранее

строго единство назначения уголовного процесса не выдерживалось. Как уже отмечалось, вытекающее из ст. УПК РСФСР единство назначения уголовного процесса выражается в том, что существование его правомерно, если необходимо обеспечить работу с лицом, совершившим преступление. В жизни в абсолютном большинстве случаев так и бывает. Однако действующее законодательство предусматривает случаи, когда существование уголовного процесса вполне оправдано и правомерно, хотя речи о преступнике быть не может. Имеется в виду закрепляемое разделом 8 УПК РСФСР производство по применению принудительных мер медицинского характера. Такое производство по сущности уголовно-процессуальное, оно абсолютно необходимо, правомерно. Но так как данное производство осуществляется не в связи с наличием преступления и преступника, у него иной предмет, оно не вписывается в содержание единства назначения уголовного процесса. Поэтому производство по применению принудительных мер медицинского характера нужно представлять как свособразную разновидность уголовного процесса, или, что будет, пожалуй, более правильно, как ветвь, отклоняющуюся от основного ствола уголовного процесса.

Значит, представление о единстве назначения уголовного процесса не так прочно. Как видно на примере производства по применению принудительных мер медицинского характера, закон предусматривает из единства исключение. Думается, что еще одним исключением должно стать производство по делам, прекращаемым по реабилитирующим основаниям. Это тоже отклонение от основного ствола уголовного процесса. Основания для такого вывода дают работы М. С. Строговича.

М. С. Строгович сосредоточил внимание на оценке материально-правовой природы анализируемых изменений закона. И, на мой взгляд, правильно ее определял, считая, что мысль законодателя выражается в следующем: если уголовное дело прекращается ввиду освобождения от уголовной ответственности с применением мер, не являющихся уголовным наказанием, деяние перестает быть преступлением в точном смысле этого понятия, хотя имеет его некоторые признаки, а совершившее его лицо не признается виновным. Это — то, что может быть названо декриминализацией, проводимой в каждом отдельном случае.

Представляется, что вывод совершенно правильный, в рассматриваемой ситуации налицо декриминализация, то есть

признание деяния, бывшего преступлением, переставшим быть таковым после прекращения уголовного дела. По декриминализации здесь необычная. Ее особенность выражается в следующем: во-первых, она носит не всеобщий (как это имеет место при признании самим законом всех деяний данного вида непроступными), а индивидуальный характер; во-вторых, она осуществляется не законом, как это принято в уголовном праве, а субъектами уголовного процесса (судом, прокурором, следователем и органом дознания — с согласия прокурора).

Указанные особенности означают, что в жизни появилось новое уголовно-правовое явление — индивидуальная декриминализация. Если согласиться с таким выводом (представляется, что это надо сделать), то неизбежен другой, вытекающий из соотношения уголовного права и уголовного процесса, а именно: новое своеобразное материальное явление должно получить соответствующее ему своеобразное опосредствование процессуальным производством. Такое производство по существу создано, как думается, анализируемыми изменениями закона. Это — уголовно-процессуальное производство по индивидуальной декриминализации. Суть его в том, что уголовное дело возбуждается в связи с совершенным преступлением; оно расследуется, и в ходе расследования устанавливается наличие особых, присущих только данной конкретной ситуации признаков деяния и личности, его совершившего, в силу чего с позволения закона следователь (или другой управомоченный субъект) принимает решение признать данное деяние не преступлением (именно в этом правильно подмечает М. С. Строгович смысл замены в законе слова «преступление» словами «деяние, содержащее признаки преступления»). На основании такого решения следователь прекращает уголовное дело для применения к лицу мер административного или общественного воздействия.

Своеобразие данного особого производства по декриминализации должно в полном объеме получить закрепление в законе. Начало уже сделано — путем введения в закон понятия «деяния, содержащего признаки преступления». Но надо пойти дальше. Ведь уголовный процесс — система; следовательно, изменение одного из ее элементов неизбежно должно сказаться на положении других. Значит, своеобразие анализируемого производства надо отразить не только в ст. ст. 6¹ — 10, но и в других, связанных с ними. Например, в ст. 2 УПК РСФСР. Она, как уже отмечалось, предусматривает две ка-

тегории лиц, с которыми, условно выражаясь, должен «работать» процесс: невиновные в совершении преступления, которые уголовным процессом должны быть ограждены от беспричинного вмешательства, и виновные, которые должны испытать уголовно-правовое воздействие. Лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, не подходит ни под первую, ни под вторую категорию. Это лицо порождено появлением новой задачи — декриминализировать некоторые деяния. Думается, данная задача должна найти свое удачное отражение в ст. 2 УПК РСФСР.

Далее, в законе должно найти отражение своеобразие процессуального положения лица, признанного совершившим деяние, содержащее признаки преступления. Думается, в качестве главного здесь необходимо учитывать следующее: сутью материально-правового положения анализируемого лица является то, что требования уголовного права по отношению к нему затухают. На мой взгляд, отражением этого должна быть меньшая степень жесткости по отношению к такому лицу и со стороны уголовного процесса. Представляется, что такое лицо не следует рассматривать как подозреваемое или обвиняемое. Последние — это те лица, которые, следуя логике уголовного процесса, в перспективе должны предстать перед судом и осуждены. Именно поэтому для обеспечения их надлежащего поведения и применяются особо жесткие меры процессуального воздействия. Перспектива же лица, совершившего деяние, содержащее признаки преступления, иная, в связи с чем вряд ли нужно стремиться до прекращения дела привлекать таких лиц в качестве обвиняемых. Процедура привлечения в качестве обвиняемого рассчитана на лиц, виновных в совершении преступления. Ознакомление же лица, чье деяние декриминализируется, с сущностью деяния, с правом возражать против прекращения дела следует осуществить в более упрощенном порядке — например, оформив все это специальным протоколом.

Представляется, что предлагаемая трактовка правовой сущности прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям лучше позволяет вскрыть все содержание внесенных в закон изменений, а следовательно, более способствует правильной реализации новых законов в практике.
